

Swietłana Waulina

Об особенностях реализации модального значения желательности в русском и польском языках : (на материале романа Г. Сенкевича "Quo Vadis" и его русского перевода)

Acta Polono-Ruthenica 8, 233-243

2003

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Swietłana Waulina
Katedra Historii Języka Rosyjskiego
Państwowy Uniwersytet w Kaliningradzie

**Об особенностях реализации модального значения
желательности в русском и польском языках
(на материале романа Г. Сенкевича *Quo vadis*
и его русского перевода)**

Среди актуальных направлений современного языкознания находится сопоставительное изучение родственных языков, целью которого является установление как типологических черт сопоставляемых языков, так и индивидуального своеобразия, что при внутриязыковом исследовании может остаться незамеченным.

Объектом рассмотрения в сопоставительной лингвистике являются различные уровни и элементы языка, в первую очередь морфологические классы и категории, а также лексические единицы, поскольку словарный состав в силу своей специфики (подвижность, открытость, незамкнутость, а отсюда – и сложность изучения) представляет наименее исследованную языковую область¹. Вместе с тем в последние десятилетия все большую популярность приобретают и более широкие исследования, целью которых является сопоставительное описание определенных языковых систем и подсистем. В плане сказанного несомненного внимания заслуживают работы,

¹ См. например: В.Г. Гак, *Сопоставительная лексикология*, „Наука” 1977; idem, *Сравнительная типология французского и русского языков*, „Наука” 1983; Р. Мразек, *Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы*, „Вопросы языкознания” 1964, № 3; D. Rytel, *Leksikalne środki wyrażania modalności w języku czeskim i polskim*, Wrocław – Warszawa – Kraków – Łódź 1982; И. Милославский, Е. Молчанова, *Морфологические категории и сопоставительное изучение языков*, [w:] *Badania nad czasownikiem w językach słowiańskich*, Warszawa 1985; P.A. Алимпиева, *Взаимодействие русской и польской систем цветообозначений в аспекте художественного перевода*, [w:] *Polsko-wschodniosłowiańskie powiązania kulturowe, literackie i językowe*, Olsztyn 1995.

основанные на функционально-семантическом подходе к языковым фактам и важнейшим категориям². К числу их принадлежит функционально-семантическая категория модальности в совокупности ее модальных полей и микрополей³.

В данной статье представлены результаты сопоставительного анализа модального значения желательности, проведенного нами на текстовом материале исторического романа Г. Сенкевича *Quo vadis* и его перевода на русский язык, осуществленного Е. Лысенко*.

Микрополе желательности в рамках общей функционально-семантической категории модальности и ее отдельных ситуативных фрагментов (возможность, необходимость) имеет свои особенности⁴. Факторы, детерминирующие возникновение ситуации желательности, имеют исключительно субъективную, „внутреннюю” природу, что отличает модальное значение желательности от других значений ситуативной модальности и определяет специфику его модальной семантики, которая образуется набором ряда частных значений: а) „иметь желание выполнить действие”, обозначающее желание в его общем проявлении (собственное желание); б) „иметь стремление выполнить действие”, обозначающее интенсивное (активное) желание, определяемое семантическим признаком „очень”; в) „иметь намерение выполнить действие” обозначающее обдуманное желание, определяемое признаком „решить”; г) „пытаться выполнить действие”, обозначающее желание с указанием на попытку его осуществления.

В силу содержательной специфики модального значения желательности функцию его главного экспликатора выполняют

² Основные принципы такого подхода разработаны А.В. Бондарко. См. например: А.В. Бондарко, *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*, „Наука” 1983; idem, *Функциональная грамматика*, „Наука” 1984 и др.

³ Подробное описание данной категории с позиций функционального подхода в диахронии русского языка представлено в работах С.С. Ваулиной. См. Например: С.С. Ваулина, *Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI-XVII вв.)*, Ленинград 1988; Е.И. Беляева, *Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках*, Воронеж 1985.

* Здесь и далее в скобках указываются разделы и страницы исследуемых изданий романа Г. Сенкевича в оригинале и переводе: 1. Н. Sienkiewicz, *Quo vadis*, Warszawa 1972; 2. Г. Сенкевич, *Камо грядеши*, Москва 1989.

⁴ Подробнее об этом см.: С.С. Ваулина, *op. cit.*; И.Р. Федорова, *Модальность возможности в современном русском языке*, Калининград 2000.

лексические средства (преимущественно глаголы), способные благодаря своей семантике выразить весь комплекс вышеуказанных частных значений желательности.

Центральное (доминантное) положение в микрополе желательности в русском языке занимает глагол *хотеть* (префиксальный дериват *захотеть*), в польском языке в качестве его эквивалента выступает глагол *chcieć (zechcieć)*⁵. Приоритетная функциональная роль данных глаголов обеспечивается емкостью их семантики и прозрачностью внутренней формы: согласно этимологическим словарям, данные глаголы восходят к прасл. *chteti ‘хотеть, желать’, получившему широкое отражение в славянских языках (Сл. Фасмера). В исследуемом материале частотность употребления указанных глаголов составляет 45% от общего количества зафиксированных глаголов со значением желательности. Ср.: Petroniusz *chciał przeczyć, lecz Aulus Plaucjusz dodał swoim świszczącym głosem...* (г. II, s. 33) – Петроний *хотел* что-то *возразить*, но Авл Плавтий, говоря, как всегда, с легким присвистом, дополнил слова жены... (с. 21)*; ...głos zamarł jej w gardle. *Chciała wołać* o pomoc i nie mogła (г. XXII, s. 224) – ...ужас сжал горло. Она *хотела позвать* на помощь, но не могла (с. 144); Nie *chcę* jej *widzieć* (г. VII, s. 90) – Я не *хочу* ее *видеть* (с. 57); ..jeśli ona *zechce opuścić* dom Aulusów dla siebie, oni nie mają prawa jej *wstrzymać...* (г. III, s. 42) – ...коль она *захочет* ради тебя *покинуть* дом Авла, они не вправе ее удерживать... (с. 27).

Интересно отметить, что в целом ряде случаев польскому глаголу *chcieć* в русском переводе соответствует глагол *желать*, выражающий частное значение интенсивного желания „иметь стремление выполнить действие”. Ср.: ...Petroniusz *chciał zarazem wstąpić* do złotnika Idomena (г. II, s. 20) – Петроний *желал* заглянуть к ювелиру Идомену (с. 13); Ale ja *nie chcę iść śladem Rufinusa*, którego historię miałem ci opowiedzieć... (г. II, s. 27) – Но я *не желаю подвергаться* участи Руфина, чью историю я *собирался тебе рассказать...* (с. 17).

⁵ Подробнее о доминанте лексико-семантического поля желательности в польском языке см.: B. Hansen, *Powstanie i rozwój słów modalnych w języku polskim*, [w:] *International Conference of the Linguistic Society of Belgium: Modal verbs in Germanic and Romance Languages. 10–12 DeceMBER 1998*, Universiteit Antwerpen.

Объяснение данному факту дает, на наш взгляд, содержание романа *Quo vadis*. Он посвящен раннему христианству, проблема которого в польской литературе тесно увязывалась с патриотической идеей. Польский народ за свое вероисповедание в течение длительного времени подвергался унижительным притеснениям со стороны протестантской Пруссии и православной России. Своей политикой религиозных репрессий монархи Пруссии и России как бы уподоблялись римским цезарям, преследовавшим христиан. Таким образом, темой романа *Quo vadis* является борьба раннего христианства с деспотизмом римского государства. Характер тематики указанного произведения предполагает реализацию высоких идей и чувств, что наиболее адекватно способны выполнить средства лексического контекста. Именно с этим, на наш взгляд, связано широкое употребление в тексте романа лексемы *желать*, которая характеризуется высокой стилистической окрашенностью.

В качестве регулярных эквивалентов глагола *желать* в оригинальном тексте романа Г. Сенкевича выступают польские глаголы *życzyć* 'желать', *pożądać* и *pragnąć* 'жаждать, страстно желать' (БПРС). Ср.: Petroniusz rad był teraz, że Ligia uciekła; ponieważ jednak nie *życzył* źle Aulusom, *życzył* dobrze i sobie i Winicjuszowi... (r. XIV, s. 149) – Петроний теперь был рад тому, что Лигия сбежала, семье Авла он не желал зла, но он также желал блага себе и Виницию (с. 95); *Wiem, co jest miłość, i wiem, że gdy się jednej pożąda, inna jej zastąpić nie może* (r. XII, s. 131) – Я знаю, что такое любовь, я знаю, что если *желаешь* одну, никакая другая ее не заменит (с. 84); *Prócz tego pragnął przede wszystkim zobaczyć Akte...* (r. XI, s. 118) – прежде всего он *желал увидеть* Акту... (с. 75).

Высокая стилистическая тональность текста романа *Quo vadis* получает особенно яркое выражение в тех случаях, когда польскому глаголу *pragnąć* в русском переводе соответствует глагол *жаждать* 'сильно желать чего-либо, испытывать непреодолимое стремление к чему-либо' (МАС). Ср.: *Chiał jednak, który pragnął się na wszelki wypadek zabezpieczyć, nie przestawał obrzydzać w dalszym ciągu zabójstwa Ursusowi i zachęcać do wykonania ślubu* (r. XXIV, s. 246) — Однако Хилон, который *жаждал* на всякий случай *обезопасить* себя, не переставал толковать Урсу о грехе убийства и убеждать его принести клятву (с. 156); *Lecz Petroniusz, który miał do niego rzeczywistą słabość i który pragnął istotnie złagodzić jego cierpienie, począł rozmyślać, jakby to uczynić* (r. XII, s. 132) – Петроний, который питал

к юноше слабость и искренне *жаждал облегчить* его страдания, задумался, как это сделать (с. 84).

Для экспликации рассматриваемого модального значения желательности в русском языке используется также несобственно модальный глагол *стремиться* – ‘стараться достичь чего-либо, настойчиво добиваться чего-либо’ (МАС), которому в польском языке соответствует глагол *dażyć* ‘делать все, чтобы достигнуть цели, стремиться к реализации своих планов, намерений’ (SWP), однако в тексте романа Г. Сенкевича они не зафиксированы.

Из других несобственно модальных глаголов, способных реализовываться в указанной модальной функции, в русском переводе романа *Quo vadis* отмечены сравнительно небольшими употреблениями глаголы *надеяться*, *мечтать*, эквивалентами которых в польском оригинальном тексте являются глагольно-именная форма *mieć nadzieję* и глагол *marzyć*. Ср.: *Mam nadzieję ją ujrzeć, i czasem zdaje mi się, że to musi nastąpić* (г. XXVIII, s. 293) – Я надеюсь ее увидеть, и иногда мне кажется, что это сбудется (с. 185); *Potem marzy pojechać do Grecji, gdzie chce mu się śpiewać we wszystkich znaczniejszych miastach...* (г. XIV, s. 152) – Потом он *мечтает пое-хать* в Грецию, ему хочется там петь во всех больших городах... (с. 119); *Petroniusz marzył stworzyć jakieś wschodnie bajeczne imperium, państwo palm, słońca, poezji...* (г. XVIII, s. 187) – Петроний *мечтал создать* некую сказочную восточную империю, царство пальм, солнца, поэзии... (с. 119).

Частное модальное значение желательности ‘иметь намерение выполнить действие’ в русском языке наиболее регулярно передается собственно модальным глаголом *намереваться*, отмеченным словарями с аналогичным значением (БАС, МАС), и несобственно модальным модификатором *собираться*. Лексема *намереваться* предполагает неспонтанный характер возникновения у субъекта желания (замысла) действовать, что находит отражение в ее внутренней форме: *намереваться* восходит к ст.-слав. *намѣрити* с первоначальным значением ‘нацеливаться, метить’; является префиксальным дериватом от *мѣрити* (др.-русск. *мѣрити*, укр. *мірити*, чеш. *meriti*, польск. *mierzyć*). Аналогичный характер возникновения желания у субъекта предполагаемого действия имеет и лексема *собираться*. В польском языке в соответствии с данными русскими глаголами употребляется глагол *zamierzać*, также являющийся префиксальным дериватом от *mierzyć* со значением ‘целиться,

стараться попасть во что-либо, кого-либо' (SWJP), и глагольно-именное образование *mieć zamiar* (иметь намерение). Ср.: Ale prócz niewolnika, którego *kupić zamierzam*, i prócz Merkurego, któremu obcałem jałówkę [...], samo poszukiwanie pociąga mnóstwo wydatków (r. XIV, s. 157) – Но, кроме раба, которого я *намерен купить*, и кроме Меркурия, которому я обещал телок [...], сами розыски требуют больших расходов (с. 101); Siedzimy tedy w Ancjum i pielęgnujemy nasz niebiański głos, czujemy zawsze jednak nienawiść do Rzymu, a na zimę *zamierzamy się udać* do Baiae... (r. XV, s. 161) — Итак, мы сидим здесь в Анции и лелеем наш небесный голос, однако нас не покидает ненависть к Риму, и мы *собираемся* на зиму *ехать* в Байи... (с. 152); ...wiem zaś, że od dawna *ta zamiar wystąpić* w Neapolis (r. XIV, s. 152) — ...я знаю, что он уже давно *собирается выступить* в Неаполисе (с. 97).

В аспекте исследования средств выражения рассматриваемого модального значения внимания заслуживает и функционирование таких глаголов, как русского *думать*, имеющего основное словарное значение 'мыслить, размышлять' (МАС), *мыслить* с основным словарным значением 'рассуждать' (МАС), которые, не будучи собственно модальными, в сочетании с субъектным инфинитивом приобретают способность выступать в роли модальных экспликаторов. В польском языке эквивалентами им являются соответственно глаголы *dumać* и *myśleć*. Однако в оригинальном тексте анализируемого романа в данной роли зафиксирован лишь глагол *myśleć*, которому в тексте русского перевода соответствует глагол *думать*. Ср.: W Minturnach, gdzie znów śpiewał publicznie, zabawił dni kilkanaście, a nawet znów *myślał wrócić* do Neapolu i czekać tam na nadejście wiosny... (r. XXIX, s. 294) – В Минтурнах, где он опять пел при публике, он провел недели две и даже *думал вернуться* в Неаполис и дожждаться там весны... (с. 186); Po prandium pływaliśmy złotymi łodziami po morzu, które było tak ciche, jakby spało, a tak niebieskie, jak twoje oczy, o boska. [...] A ja, czy wiesz, com czyniłem? Teżkniałem za tobą, i *myślałem zabrać* to morze, i tę pogodę, i tę muzykę i oddać wszystko tobie (r. XXXVII, s. 365) – После пиршества мы плавали в позолоченных лодках по морю, которое было такое спокойное, будто спало, и такое голубое, как твои глаза, о божественная. [...] А я, знаешь, что я делал? Я тосковал по тебе и *думал забрать* это море, и этот погожий день, и эту музыку и все отдать тебе (с. 231). Отмеченный характер модальной соотне-

сенности рассматриваемых глаголов связан, видимо, с большим модальным потенциалом русск. *мыслить* и польск. *myśleć*, заложенным в их внутренней форме. Согласно этимологическим данным, указанные глаголы восходят к и.-е. корню **mēudh-*, **mūdh-* – ‘стремиться к ко-му-л. или чему-л.’, ‘страстно хотеть чего-л.’, родств. лит. *mausti* ‘тосковать’, ‘сильно желать’ (Сл. Черных, Сл. Фасмера). Показа-телен и тот факт, что в древнерусском языке глагол *мыслити* (и его префиксальные дериваты) был весьма употребительным именно в модальной функции. Ср.: ...Игнатий епископ *мышляше создати* церковь камену (Ж. Авр. Смол., с. 90); И умножившимся братьи в печерѣ и не имущим ся вмѣстити и *помыслиша поставити* внѣ печеры монастырь (Пов. вр. л., с. 106). При этом интересно отметить, что реализация значения желательности часто была связана с негативными (недобрыми) замыслами субъекта, входящими в противоречие с законами принятой морали (ср. его значения: ‘замышлять, злоумышлять’ – Сл. Срезневского; ‘замышлять недоброе’ – СлРЯ XI–XVII вв.): ...нынѣ о селицѣх добрѣ не радуютъ ся но плачють ся и толика добра *погоубити мыслятъ* (Усп. сб.); ...иудеи рѣпщють на чудотворца ...сынове яковли *погоубити мыслятъ* (К. Тур., с. 58); ...*смыслиль* князь толико богатство *погубити* (Пат. печ., с. 450). Позднее глагол *мыслити*, видимо, в силу своей повышенной экспрессивности, в данном значении ‘уступает’ место стилистически нейтральному глаголу *думати* (представленному в древнерусском языке лишь ограниченным числом употреблений), и в современном русском языке в функции модального экспликатора он представлен преимущественно в разговорной речи.

Лексемы, входящие в состав периферии модального микрополя желательности, способны в силу своей семантики реализовывать ряд оттенков значения намерения. Например, сема окончательно сформировавшегося намерения содержится в значении глагола *решить* – ‘после размышления, обдумывания прийти к какому-л. выводу, заключению относительно чего-л.’ (МАС). В польском языке этому глаголу чаще всего соответствуют глаголы *zdecydować* (решить), *postanowić* (постановить, принять решение, решить) (БПРС), однако в оригинальном тексте романа *Quo vadis* употреблен лишь глагол *postanowić*. Ср.: Tygellinus miał jednak tyle rozumu, iż zdawał sobie sprawę ze swych braków, a widząc, że nie może iść w zawody ani z Petroniuszem, ani z Lukanem, ani z innymi, których wyróż-

niało czy urodzenie, czy talenta, czy nauka – *postanowił zgasić ich podatnością swych służb...* (r. XXXI, s. 314) – У Тигеллина, однако, хватало ума сознавать свои недостатки, и, видя, что ему не под силу тягаться с Петронием, с Луканом и с другими, отличавшимися знатностью, или талантом, или ученостью, он *решил затмить их своей угодливостью...* (с. 198); Poczul, że dusi go ohyda, że piersiom jego potrzeba powietrza, a oczom gwiazd nie zaćmionych przez gęstwę tego straszego gaju, i *postanowił uciekać* (r. XXXI, s. 319) – Он задыхался от омерзения, грудь его томилась по чистому воздуху, глаза – по звездам, не затемненным густою листвою этой страшной рощи, и он *решил бежать* (с. 198); Tymczasem *postanowił czuwać nad Winicjuszem i zachęcać go do podróży* (r. XXXII, s. 323) – А тем временем он *решил наблюдать* за Виницием и убеждать его отправиться в путешествие (с. 203).

Функцию экспликатора рассматриваемого значения с дополнительной семой „избранное желание” выполняет в польском языке глагол *woleć*, что вполне согласуется с его этимологией (восходит к и.-е. корню **uel* ‘хотеть, желать, выбирать’, родств. лит. *valià* ‘воля гот. *valjan* ‘избирать’, др.-инд. *varás* ‘желание, выбор’, др.-в.-н. *wellen* ‘избирать’, Сл. Фасмера). В аналогичной модальной функции в древнерусском языке ограничено употреблялся глагол *волити* и его префиксальный дериват *изволити*. Ср.: ...Мѣдницѣ ради *волить умърѣти* (Ж. Ниф. – Словарь Срезневского); *Волю жити съ львьмъ неже съ женою лоукавою* (Изб., с. 384); В то же лѣто събрася весь град людии, *изволиша* себе епископъ *поставити* мужа богомъ избрана Аркадия (Новг. лет., с. 29). В последующий период истории русского языка глагол *волити* (*волить*) выходит из употребления, а его префиксальный дериват – слово *изволить* в соответствующей модальной функции квалифицируется толковыми словарями русского языка как устаревшее. Вместо данных глаголов в функции модального экспликатора используется глагол *предпочитать*, выступая в качестве эквивалента польскому глаголу *woleć*. Ср.: Bóg umarł dla cię na krzyżu, by krwią własną odkupić twą duszę, lecz ty *wolałaś umiłować* tego, który chciał cię uczynić swoją nałożnicą (r. XXVII, s. 280) – Ради тебя бог умер на кресте, дабы собственной кровью искупить твою душу, а ты *предпочла полюбить* того, кто хотел сделать тебя своей наложницей (с. 177); Mogłaś ofiarować ją Chrystusowi jako naczynie kosztowne i rzec mu: „Wypełnij je, Panie, łaską!”, а *wolałaś ofiarować* słudze złego ducha (r. XXVII, s.

281) – А ведь ты могла принести ее в жертву Христу, как сосуд драгоценный, и сказать ему: „Наполни его, господи, благодатью твоей!”, но нет, ты *предпочла* его духу зла (с. 178); On sam [...] *wolał ją zabić niż oddać ceszarowi* (г. V, s. 55) – Он сам [...] *предпочел* ее *убить*, чем отдать императору (с. 35).

Частное модальное значение желательности ‘пытаться выполнить действие’ в русском языке эксплицируется с помощью глаголов *пытаться, стараться, пробовать* (и их префиксальных дериватов *попытаться, постараться, попробовать*); в польском языке соответственно – *starać się, próbować (postarać się, popróbować)*, в семантике которых содержатся указания на активные действия субъекта по достижению желаемого. При этом русский глагол *стараться* эквивалентен польскому *starać się*, а глаголы *пытаться, пробовать* эквивалентны польскому глаголу *próbować*, что наглядно отражается в рассматриваемом материале. Ср.: Na Ligii pozna się teraz nie on, ale Poppea, i oczywiście *postara się* ją jak najprędzej z pałacu *wyprowadzić* (г. XVI, s. 158) – Лигию теперь будет оценивать не он, а Пoppея, а уж та, бесспорно, *постарается* побыстрее *спроводить* ее из дворца (с. 137); Musiałem słuchać Aulusa [...] o upadku małych gospodarstw w Italii, któremu jeszcze Licyniusz Stolo *starł się zapobiec* (г. II, s. 13) – Я должен слушать Авла [...] об упадке мелких хозяйств в Италии, чему *старался воспрепятствовать* еще Лициний Столон (с. 9); Petroniusz zaś widząc, że [Winicjusz], istotnie nie może usiedzieć na miejscu, *nie próbował go wstrzymać* (г. XII, s. 131) – Петроний, видя, что Виниций действительно не в состоянии усидеть на месте, *не пытался* его *остановить* (с. 84); Tygellinus *próbował* wprowadzić jeszcze *wspomnieć* o czarach, lecz Petroniusz, pewny już wygranej, podjął wprost wyzwanie (г. XIV, s. 151) – Тигеллин *попытался* было еще раз *упомнуть* о чарах, но Петроний, уже уверенный в победе, открыто принял вызов (с. 96); Zaliś *próbował* *brać* takie bestie za rogi? (г. XXVI, s. 266) – Неужели ты *пробовал брать* этих зверюг за рога? (с. 168).

Итак, проведенный анализ показал, что микрополе желательности, будучи важным фрагментом понятийной (универсальной) категории модальности, имеет в близкородственных русском и польском языках в целом тождественный план выражения, состоящий из глаголов праславянского происхождения. Центральную часть его занимают собственно модальные глаголы, в качестве доминанты среди которых выступают русский глагол *хотеть* и польский – *chcieć*,

обладающие обобщенностью модального значения и достаточной прозрачностью внутренней формы. Выражение частных значений желательности обеспечивается набором глаголов, также тождественных в обоих языках. На периферии микрополей находятся преимущественно несобственно модальные глаголы, выполняющие функцию модальных экспликаторов лишь в сочетании с субъектным инфинитивом. Вместе с тем данный анализ позволил выявить и специфические особенности, связанные в значительной степени с неоднородным характером семантической эволюции отдельных глаголов в диахронии рассматриваемых языков. Это касается, в частности, более широкого употребления глагола *mysleć* в роли экспликатора частного значения 'иметь намерение выполнить действие', в отличие от генетически родственного глагола *мыслить* в русском языке, а также сохранения функционирования в польском языке в модальной функции глагола *woleć*, в отличие от русского языка, в котором эквивалентный глагол *волить* (*волити*) употреблялся (причем достаточно ограниченно) лишь в древнерусский период.

Вполне очевидно, что данный сопоставительный анализ, предпринятый нами на материале лишь одного произведения, пусть даже такого большого национального писателя, каким является Г. Сенкевич, не дает достаточных оснований для широких и объективных выводов относительно характера функционирования лексических модификаторов желательности в рамках соответствующего модального микрополя. Однако, как нам кажется, он все же предоставляет возможность увидеть основные тенденции в динамике их внутриязыкового развития, что в свою очередь представляется немаловажным для установления общей картины формирования и особенностей функционирования средств выражения модальности в родственных языках.

Список условных сокращений:

- БАС – *Словарь современного русского языка*, в 17 т., Москва – Ленинград 1948-1965.
 БПРС – *Большой польско-русский словарь*, в 2 т., Москва – Варшава 1980.
 Ж. Авр. Смол. — *Житие преподобного Авраамия Смоленского и службы ему* [в:] *Памятники древнерусской литературы*. Вып. 1. Санкт-Петербург 1912.
 Изб. — *Изборник 1076 года*, Москва 1965.
 К. Тур. — *Сочинения Кирилла Туровского (Рукописи графа А.С. Уварова)*, т. 2, Санкт-Петербург 1858.
 МАС – *Словарь русского языка*, в 4 т., Москва 1981-1984.
 Новг. лет. — *Новгородская летопись старшего и младшего извода*, Москва – Ленинград 1950.

- Пат. Печ. – *Патерик Киевского Печерского монастыря* [в:] *Памятники славяно-русской письменности*, т. 2, Санкт-Петербург 1911.
- Пов. вр. л. – *Повесть временных лет*, ч. 1, Москва – Ленинград 1950.
- Сл. Срезневского – И.И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, в 3 т., Санкт-Петербург 1893-1912.
- Сл. Черных – П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, в 2 т., Москва 1999.
- Сл. Фасмера – М.Р. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, в 4 т., Москва 1964-1973.
- Усп. сб. – *Успенский сборник XII-XIII вв.*, Москва 1971.
- SWP – *Słownik języka polskiego*, Warszawa 1996.

Streszczenie

Specyfika realizacji modalnego znaczenia potrzeby w języku rosyjskim i polskim

W niniejszym artykule zostały przedstawione rezultaty analizy porównawczej modalnego znaczenia potrzeby na podstawie tekstu powieści historycznej Henryka Sienkiewicza *Quo vadis* i jej tłumaczenia na język rosyjski. Omówiony materiał potwierdza, że mikropola potrzeby (ros. *желательности*) w spokrewnionych językach rosyjskim i polskim dysponują prawie identycznym planem wyrażenia, który składa się z czasowników pochodzenia prasłowiańskiego. Główną pozycję w mikropolu potrzeby w języku rosyjskim zajmuje czasownik *хотеть* (derywat prefiksalny *захотеть*); natomiast jego polskim ekwiwalentem jest czasownik *chcieć*. Wyrażenie poszczególnych znaczeń realizuje się systemem form czasownikowych, także równoznacznych w obu językach.